

Вадим Перельмутер выпустил в «Согласии» две книги

Коммерсантъ-daily, 1997, 13 авг. - с. 10

В один день в одном издательстве вышли две книги, подготовленные одним и тем же исследователем поэзии и поэтом Вадимом Перельмутером. Он работал над ними двадцать лет, последние лет десять пытался издать. Наконец издательство «Согласие» (Москва) выпустило их в редком для нашей книжной продукции изящном оформлении. Для любителей русской словесности это долгожданные книги: том Георгия Шенгели «Иноходец» и том Аркадия Штейнберга «К верховьям».

О Георгии Шенгели Юрий Олеша писал: «Он поразил меня, потряс навсегда. В черном сюртуке, молодой, красивый, таинственный, мерцающий золотыми, как мне тогда показалось, глазами, он читал необычайной красоты стихи, из которых я тогда понял, что это рыцарь слова, звука, воображения. Одним из тех, кто был для меня ангелами, провожавшими меня в мир искусства, и, может быть, с наиболее пламенным мечом, — был именно Георгий Шенгели. Я славлю его в своей душе всегда!»

Георгий Шенгели (1907–1958) — некогда знаменитый, но забытый в последние десятилетия поэт, словно чувствуя это будущее забвение, при жизни возмущался в статьях и мемуарах тем, что «стихи Надсона идут чуть ли не сотым изданием, а гениальный Тютчев получил всеобщее признание лишь к столетнему юбилею рождения, „гремит“ Сергей Городецкий, а такой громадный поэт, как Иннокентий Анненский, до самой смерти оставался в упорной тени». Шенгели написал в 1927 году большую работу о Маяковском и опять возмущался: «хлестаковщиной», «люмпен-мещанством», объясняя успех главного советского поэта «революционной фразой и упрощенством», «ко-

лоссальным нахрапом самоутверждения», «остроумием трамвайных победоносцев».

Как поэт Шенгели примечателен, наверное, в первую очередь своей особенной образностью: «Небо, как будто Некрасов, слезливо и тускло», «толстый портфель избурился под мышкой, как мускул», «мы живем вчетвером: я, собака и наши две тени», «слабо кашляет крыша под вьюгой». Интонация его стихов изменчива, лирическая «пронзительность» редка, но в целом мир, возникающий из его стихов, — страшный и красивый, заброшенный и завораживающе мерцающий.

Неслучайно в высказывании Юрия Олеша слово «рыцарь» по отношению к Шенгели. Потому что всю свою жизнь он рыцарски служил поэзии и защищал ее — не только собственными стихами, но беспрецедентным количеством переведенного им на русский язык и тем, что спас жизнь многим поэтам. Возглавив в 1933 году переводческую редакцию «Гослитиздата», он давал работу, то есть возможность жить, классикам, над которыми сгустились тучи: Пастернаку, Мандельштаму, Ахматовой и молодым, которых в литературу решили «не принимать»: Арсению Тарковскому, Марии Петровых, Семену Липкину и Аркадию Штейнбергу. Недавно вышла книга Липкина «Квадрига», как раз об этом творческом содружестве вчетвером.

Аркадий Штейнберг (1907–1989) вышел, можно сказать, из шенгелиевской шинели. В 1953 году он освобожден из лагеря. Шенгели, хоть и славил в своих стихах Сталина, пытаясь спастись, не боялся обеспечивать работой подозрительных лиц. Тем более это было опасно по отношению к безвестному эзку. Он заказал выпущенному на волю, но еще не реабилитированному Штейнбергу переводы. Штейн-

берг был спасен, и его судьба определена: он, правда, не сумел издать ни одной книги стихов при жизни, но напереводил горы, из которых самая монументальная работа — «Потерянный рай» Мильтона.

Но, может быть, самым главным произведением Аркадия Акимовича Штейнберга, помимо текстов и картин (кстати, Аркадий Штейнберг — отец знаменитого ныне художника Эдуарда Штейнберга, живущего в Париже), был он сам. Акимыч, о котором я слышала со всех сторон с незапамятных времен. Тарусский дом Штейнберга оказался центром притяжения для множества людей, среди них — художники Дмитрий Плавинский и покойный Анатолий Зверев, поэт Евгений Рейн, да и кто только не получал здесь приюта и благословения. Потому больше половины книги занимают воспоминания о Штейнберге и стихи, ему посвященные.

Из воспоминаний складывается образ человека, который был столь же замечательным врачом, как и строителем, кулинаром, знатоком литературы, живописи, кожаного дела, фарфора, моторных лодок и вообще всего, о чем только ни заходил разговор с любым из его изумленных собеседников. Причем знания эти были в равной мере теоретические и практические. Столь же поразительным кажется, что Штейнберг всегда был счастлив и деятелен, даже в лагере, где он сидел дважды.

Вадим Перельмутер, составитель обеих книг, один из учеников Штейнберга, пошел по пути героическому: он заполняет лакуны русской поэзии, находит все, что по дороге упало с возу и затерялось при бесконечных российских переездах из одной системы ценностей в другую.